

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В зоне могилевско-смоленского пограничья (МСП) исторически сложился этнолингвистический ареал, представляющий интерес для специалистов разных гуманитарных наук – истории, этнографии, лингвистики. В пределах этого ареала в результате пересечения, контактирования близкородственных славянских языков – белорусского и русского – сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают переходными. Эти говоры нашли отражение в атласах белорусского и русского языков; их фонетические, лексические, грамматические особенности давно уже изучаются диалектологами. Но лексико-фразеологический фонд говоров МСП хранит бесценные сведения о материальной и духовной культуре восточных славян. Поэтому объектом изучения в этнолингвистическом аспекте могут стать единицы диалектного лексико-фразеологического фонда, семантическая структура которых содержит национально-культурную коннотацию, т.е. смысловые «наслоения», отражающие связь данных языковых единиц обычаями и традициями народа. Несомненный интерес для такого

изучения представляет выявленная в говорах МСП и представленная в картотеке «Словаря говоров могилевско-смоленского пограничья» обширная группа терминов свадебной обрядности.

Традиционный свадебный обряд восточных славян – одно из наиболее замечательных явлений восточнославянской народной культуры. Он представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав весьма разнообразные по своему происхождению, характеру и функциям элементы, названия которых и составляют номенклатуру терминов свадебной обрядности. По мнению исследователей, они принадлежат одновременно и языку, и культуре, поэтому каждый обрядовый термин является знаком, который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда и способствует закреплению в сознании носителей традиционной народной духовной культуры представления о ритуальных функциях лиц, предметов и действий свадебного обряда. Свадебный ритуал восточных славян, будучи устойчивым в своих основных этнокультурных параметрах, варьируется в разных социальных средах и локальных группах [2, с. 400], что находит отражение в свадебной терминологии. Поэтому представляется актуальным установить локальные варианты терминов свадебного обряда в переходных говорах близкородственных восточнославянских языков МСП – русского и белорусского.

Свадебный обряд могилевско-смоленского пограничного региона в целом сохранил черты восточнославянской свадебной традиции, где весь свадебный обряд обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственно свадебный и послесвадебный (заклучительный) этапы. Варьирование чаще всего наблюдается в ритуальных действиях этих этапов и в составе их функционально маркированных участников – чинов. И национально-культурная специфика свадебной терминологии в говорах МСП проявляется, наш взгляд, преимущественно в наименованиях собственно свадебного обряда и его этапов, в наименованиях отдельных обрядовых действий и свадебных чинов, а также некоторых реалий свадебной обрядности.

Повсеместно восточнославянский свадебный обряд начинался со *сватовства* (укр. *сватання*, бел. *сватанне*), которое было основным обрядовым действием предсвадебного этапа. В говорах МСП для обозначения этого действия используются номинации *заручины* и *запоины*, *запой*, *запой*: *Пирит свадьбай усигда бывають заручины, кыда жаных сватаицца к нявести.* (Литвиновка, Ерш. Смл.) и *Заўчора хлопц з Анофрына хадиў к суседам у сваты, заручины у их былі.* (Селец, Мст. Мгл.); *Сперва на заручинах засватають деўку, тады гарелку пьют, назначать день свадьбы и пьют.* (Полошково, Клим. Мгл.); *Я тожа пайшоў на запоины з батькамі, братамі,*

и яшше сем чалавек з нами были. (Литвиновка, Ерш. Смл.) и *Сначала запоины деляють, а патам ужо свадьбу.* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Пирит свадьбай жыних едит с радней к нявести на запои, дъгываривыцца ап свадьбы* (Литвиновка, Ерш. Смл.) и *Як сваты приходили, деляли запои. Дык мы с маткай пякли пираги ўсю ночь.* (Лобковичи, Крич. Мгл.); локальный вариант *запои* зафиксирован только в близлежащих селах Хотимского района на белорусской стороне пограничья: *Кали приходят ў сваты, то згоду миш сватоў празнують – робяць запои* (Липовка, а также Узлоги, Забелыщин Хот. Мгл.). Другой локальный вариант *закосины* зафиксирован на территории сопредельных пограничных районов – Монастырщинского и Мстиславского: *Заручины, закосины – эта усё анно.* (Татарск, Монаст. Смл.) и *На закосины маи пришли сват сы свахай, жаних мой и яшчэ багата народу.* (Нестерово, Мст. Мгл.)

В говорах МСП отмечается разнообразие номинаций собственно свадебного обряда (ср.: рус. *свадьба*, укр. *весілля*, бел. *вясьцелле*). Причем встречаются как однословные номинации – *весёлки, веселуха, гуль, гульба, гульня, гулянка*, так и номинации-фраземы – *весёлое гулянье, весёлый пир, вясельный стол, свадебный стол*. В этих названиях отражается традиционное ритуальное предписание, какой должна быть свадьба: «восточнославянской свадьбе полагалось быть веселой и грустной одновременно, песенной и речистой» [2, с.401]. В говорах МСП в номинациях свадебного обряда на первый план выступает сема ‘*веселье*’: *Харошыя и вясёлки у их были, радни многа сабралося и ат нявесты, и ат жаниха.* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *У нас на пасёлку, кали жэнюцца, дык кажуть, што у их висялуха.* (Узлоги, Хот. Мгл.) В обрядовой терминологии говоров МСП отражается также представление о свадьбе как игре, в которой четко обозначены и распределены роли, есть свои правила и запреты: *А гуль мы спраўляли пасля Пасхи, раньшы батюшка ни вянчаў.* (Викторово, Красн. Смл.) и *Настя дочку замуш аддае, во гуль будить.* (Липовка, Хот. Мгл.); *Скора ў дярэўни гульба будить, наша сасетка замуш идеть.* (Викторово, Красн. Смл.); *Маладыя с сільсавета на машыни приехали, лентами украсили яе ды шырамы, гульба ўжо начілася.* (Татарск, Мон. Смл.); *Гульня у нас была очинь харошая. Батька барана зарезал, вотка была, краснињкая, винагрет, кильки.* (Викторово, Красн. Смл.) и *Во гульня ў дярэўни была, дык нявеста такая прыгожая была, раньшы так ни наряджались.* (Липовка, Хот. Мгл.); *У мяне на гулянки многа народу было, уся радня съехалася мяне замуш выдавать.* (Русское, Шум. Смл.) и *Сичас на гулянку грошай многа нада. Када жаних багаты, дык и гулянка харошая. Ды ни такая, як у нас, нивясёлая нейкая.* (Селец, Мст. Мгл.). Широко известному русскому выражению *играть свадьбу* и белорусскому *гуляць вяселле* соответствует распространенное в говорах МСП

выражение *гулять свадьбу*, явившееся результатом контаминации этих двух номинаций: *Раней свадьбы гуляли добра, весила, з гармоникам.* (Селец, Мст. Мгл.) Нами зафиксирован и узколокальный вариант номинации свадьбы – *пасяг*, возникший в результате метонимического переноса белорусской лексики *пасяг*, служащей для обозначения приданого, которое является символом материальным обеспечения брачного союза: *У маёй дачки сёння пасяг, малая яшчэ, 20 гот, но калі хоча замуш, хай выходзіць.* (Милейково, Мст. Мгл.) и *Пасяк наш праходзіў, як і кождага чалавека.* (Русское, Шум. Смл.) Неслучайным является употребление в устойчивых сочетаниях *вясельный стол, свадебный стол* компонента *стол*: «Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определяет его уподобление церковному престолу. Формулы «стол – это престол» и «стол – это престол Божий» известны у всех восточных славян» [1, с. 366]. Возможно, в номинациях *вясельный стол, свадебный стол* отражается бытовая (коллективная, семейная и общинная) санкция брака. Кроме того, в говорах МСП фраземные номинации свадьбы дифференцируются в зависимости от конкретных бытовых ситуаций, например, свадьба дочери и сына одновременно – *круглая свадьба, двойная свадьба* или две свадьбы одновременно в одной деревне – *круглая свадьба*: *У нас и круглыя свадьбы былі: дочь і сын у адін день жэняцца.* (Титовка, Шум. Смл.); *Мая сасетка справляла двайную свадьбу, дык столькі гасцей была, што травы у полі.* (Звенчатка, Клим. Мгл.)

Обрядовые номинации послесвадебного этапа в говорах МСП дифференцируются в зависимости от длительности свадьбы – два-три дня или более, и существуют специальные термины для второго и третьего, а также последнего дня свадьбы при любой ее длительности: *догулы* – второй день свадьбы, *званки, крошки* – третий день свадьбы, *догулки, отходины, пагрошні* – последний день свадьбы: *На нашай свадьбе дагулы толькі на другі день былі, пакуль ні пагуляла ўся дзярэўня.* (Липовка, Хот. Мгл.); *А на трэці дзень на званкі сабіралася толькі радня жэніху і нівесты.* (Н.-Дедин, Клим. Мгл.); *На крошках у жэніху і нівесты сабіралі старых людзей.* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Дагулки –эта пасьледні дзень гулянку.* (Любавичи, Мон. Смл.); *Атходины справлялі аж на пяты дзень, як уся дзярэўня нагулялася-напілася.* (Липовка, Хот., Мгл.); *Наступаюць паграшні, кады свадьба прыходзіць да заключэння.* (Звенчатка, Клим. Мгл.)

Национально-культурная специфика свадебной лексики в говорах МСП проявляется и в наименованиях действующих лиц, которые составляют одну треть слов всей лексико-тематической группы «Свадьба», что неслучайно, поскольку свадебным чинам предписывалось выполнение определенных ритуальных действий. В говорах МСП отмечены специальные наименования чинов: *снарядиха, снаряделка* – женщина, одевающая невесту к венцу;

тысяцкий – распорядитель свадебного поезда; **толмач** – распорядитель свадебного торжества; **кубельник** – человек, перевозящий приданое; **каравайница** – женщина, выпекающая каравай к свадьбе; **свашка** – сваха; **густый сват** и **густая сваха** – главные сват и сваха; **вечерняя сваха** – женщина, привозившая постель невесты: *Я ужо три раза снарядахай была. Трох дяўчат к свадьби прыбирала* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Целый вечар талмач на гармошке играў* (Татарск, Мон. Смл); *Кали прыедуць густая сваха и густы сват, то и пачнём размову весци*. (Еловец, Хотим. Мгл.); *Кали маладыя дамой шли, за ими вячэрняя сваха настель несла* (Титовка, Шумяч. Смл.). Однако в свадебном обряде есть полифункциональные чины, которые именуются по своей основной обязанности, например, **дружок**, **дружка**, **дружба** – свидетель со стороны жениха, но в его обязанности входило также руководить свадебным торжеством; специальным термином этот чин с расширенными обрядовыми функциями не именовался: *А на свадьби дружок усим сталом запраўляў* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Хто на свадьби распаражаецца, таго дружком или дружбай завуць* (Любавичи, Мон. Смл.). Таким образом, в говорах МСП выделяются специальные термины для обозначения чина (есть обрядовое действие – есть чин, его выполняющий, – есть название чина) и термины для обозначения полифункциональных чинов (есть обрядовое действие – нет специального чина, выполняющего действие – нет соответствующего термина, т.е. выявляется лексическая лакуна).

Л и т е р а т у р а

1. Славянская мифология: энциклопедический словарь. – Москва, 1995.
2. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – Москва, 1987.